

Буд.

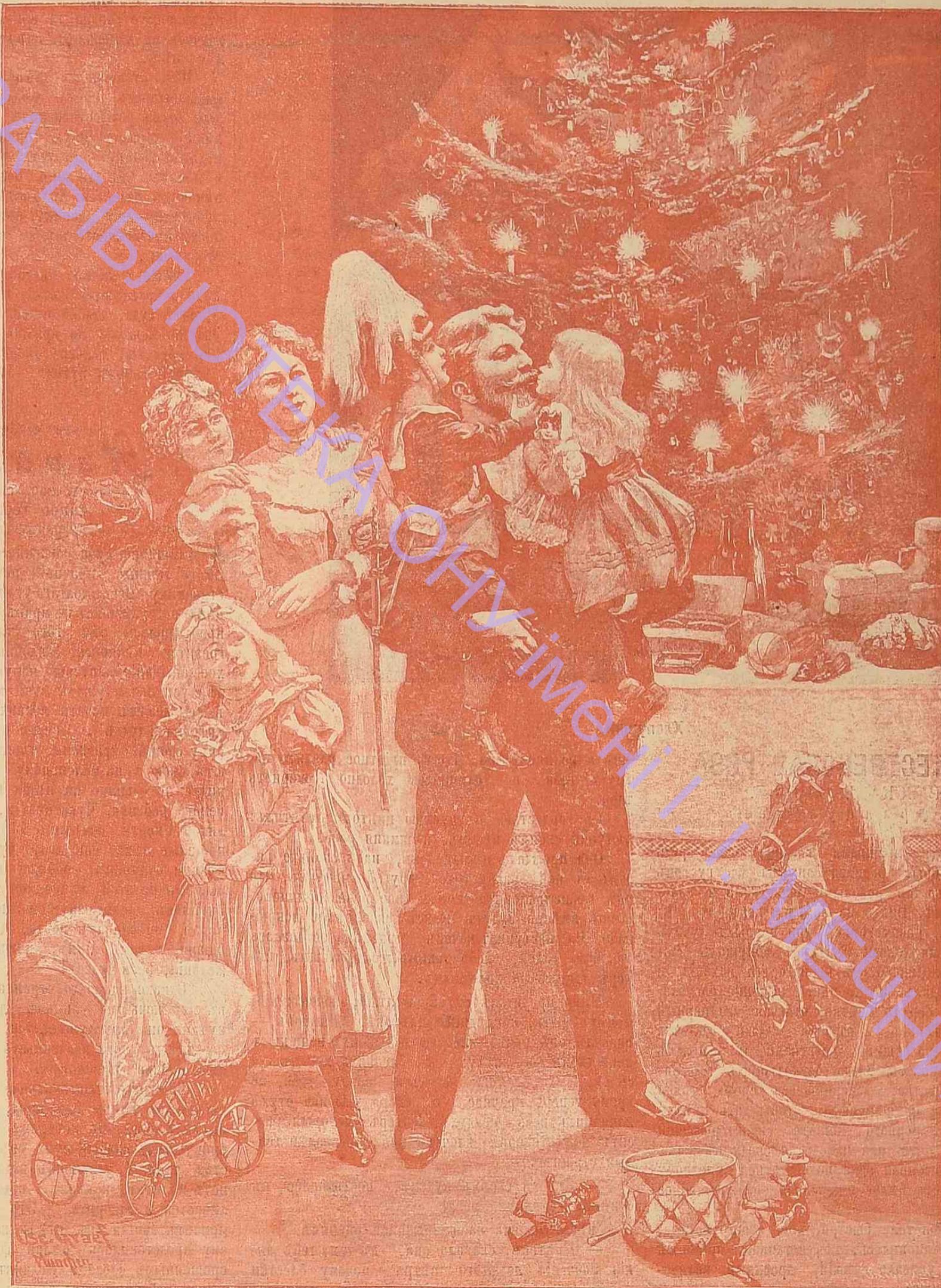
ТРЕТЬИЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4495.

Пятница, 25-го Декабря, 1898 г.

№ 4495.

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РОЗА.

РАЗСКАЗЪ ОЛИВЬЕ.
(Съ французскаго).

Тамъ, подъ мрачными сподами неба, среди бѣлой равнини, родилась однажды въ густомъ снѣгу цвѣтокъ съ розовыми лепестками и золотымъ сердцемъ. Никто не видѣлъ, какъ его свѣжіе лепестки распустились при первыхъ лучахъ солнца. Только холодный вѣтеръ, а равнина оставалась благоуханіе, исходившее отъ первого его дыханій, и взоръ его падалъ на хлопья, медленно располагающіяся на сердѣцѣ цвѣтка; оттігая его первый трепетъ. Тенка, пѣжная душа цвѣтка витала надъ розовыми лепестками и золотымъ сердцемъ и явилась сюда одухотворить это маленькое существо, затерянное среди бѣлой равнини. Она пришла сюда, чтобы дать цвѣтку чувство, и съ первого момента своего рожденія роза поняла, что она находится среди вѣчныхъ снѣговъ, обретеніемъ одна подвергатсья холодному вѣтру и постыдѣть бѣлое покрывало, обременяющее ея сердце.

Птица пролетала быстро, вща своего гнѣзда, и вдругъ остановилась, почувствовавъ пріятный запахъ. Она увидѣла свѣжий, красивый, величественный цвѣтокъ.

— Ты прекрасна, — сказала птица, — твои

цвѣта великолѣпны. Что то пріятное разлито во- кругъ тебя, но слишкомъ холодно созерцать тебя.

Съ гордостью и грустью цвѣтокъ отвѣтилъ: «Ступай своимъ путемъ, я зимняя роза!»

Она прождала цѣлый день, надѣясь, что рядомъ съ ней распустится другой цвѣтокъ, что онъ такожеаклонитъ внизъ свое розовое лицо, и онъ вмѣстѣ будутъ писать свое бѣлое покрывало. Но наступила вечеръ, а равнина оставалась такой же голой, небо такимъ-же мрачнымъ, вѣтеръ такимъ-же холдимъ.

Мимо пролетали сухой, желтый, окоченѣвшій, можетъ быть, послѣдний цвѣтокъ. «Цвѣтокъ, — сказала онъ розѣ, — не склоняй своихъ изящныхъ лепестковъ къ снѣгу; ты блещешь юностью и сподой. Я хотѣла бы оставаться возлѣ тебѣ, но время теперь мрачное, и скоро ужасная стужа наполнитъ весь воздухъ. Вѣтеръ, который уноситъ меня теперь, влечетъ меня въ болѣе теплые страны».

— Ступай своимъ путемъ, — послышалось въ отвѣтъ, — я зимняя роза!

Звѣзда засѣла на обнаженной равнинѣ.

— Цвѣтокъ, сказала она, — къ чему тебѣ дикий лобзанія ледяного вѣтра; почему блестки твоего сердца окутаны этимъ бѣльмъ покрываломъ, слишкомъ тяжелымъ для твоего нѣжнаго

существа? Почему ты одна среди равнини? Никто не придетъ къ тебѣ; ты родилась среди стужи и умрешь среди урагана; никто не подумаетъ даже о тебѣ.

Но цвѣтокъ отвѣтилъ: «Ступай своимъ путемъ: я зимняя роза!»

Облако затуманило звѣзду, равнина оставалась холодной и голой, а снѣгъ стучалъ еще болѣе. Роза сильнѣе наклонялась къ землѣ; она поняла, что родилась для одиночества и муки, что ради нея никто не пожертвуетъ собой; изъ страдающаго сердца ея показалась слеза, которая тотчасъ-же замерзла, свѣжее лицо ея стало бѣлѣ снѣга.

Ночь становилась темнѣе, холодъ болѣе пронизывающимъ, но въ воздухѣ раздались веселые звуки рождественскихъ колоколовъ, напоминающие торжественную тишину вечера. Цвѣтокъ поднялъ голову; онъ увидѣлъ угрожающее небо, и понялъ, что для него больше не существуетъ никакихъ радостей. Холодный вѣтеръ, стъ силою прорѣзывающая равнину, приносилъ съ собой отголоски праздничного шума, сорвалъ цвѣтокъ со стебелька...

Снѣжная лавина унесла его въ ту страну, куда направляются любви и зимніе цвѣты. Онъѣхѣтъ туда, чтобы отыскать счастье, котораго онъ не нашелъ, но мрачное эхо съ безпредѣльной грустью голоса смерти повторяетъ ему: «Ступай своимъ путемъ, бѣдная рождественская роза!»

Я. Б.—нъ.

Хазраэль.

(Восточная сказка).
Андре Терье.
(Съ французскаго).

На лице луны огненного солнца уступили мѣсто тишинѣ мрачной ночи. Подобно путешественнику послѣ долгаго утомительного пути, равнина, погрузившись въ мракъ, съ трудомъ, казалось, пробуждалась отъ того тяжелаго сна, когда грезится вѣчность. Жалобный лай собакъ, глухое завываніе пантеры, нарушая тишину, еще болѣе усиливали ужас этой мрачной пустыни. На всемъ лежало печать меланхоліи въ этой изумительной лудѣ!.. Тщетно цвѣты украшаютъ равнину своими красками, тщетно деревья предлагаютъ свою тѣнь маленькому пернатому царству; нигдѣ не слышишь ни пѣнія птицы, ни крика веселаго ребенка. Чувствуется, что память о Великой Смерти, освѣтивъ божественнымъ свѣтомъ прошлыхъ вѣкъ, еще долго будетъ тяготить надъ вѣкама будущаго, сообща всему, что живеть и дышеть на этой сияющей землѣ, таинственный оттѣнокъ, религиозную важность, ту грусть, которая, по словамъ поэта, даетъ щечу блѣдной жизни, тихимъ дніемъ, дніемъ безъ жара, безъ желаній, безъ чудес!

Однако какако-то странная тѣнь скользитъ въ эту ночь по улицамъ древнаго города; ми-нутами она прислушивается, какъ-бы колеблется, но затѣмъ снова медленнымъ шагомъ продолжаетъ свое ночное путешествіе.

Близи фонтана султана, скрывающагося подъ гигантской тѣнью сикоморы, находится ботатый стулъ подъ дѣмъ, въ которомъ полуоткрытая дверь пропускаетъ слабый лучъ свѣта. Тѣнь направляется туда. И, услышавъ вздохи, смытанный шопотъ молитвъ, криковъ, вздоховъ, она останавливается и говоритъ: «Это здѣсь!» И въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ вступить на порогъ, ему представилась бѣлая фигура, стъ лицомъ, орошеннymъ слезами. Поднявъ глаза, она сказала:

— Азраэль! ты гонишь меня изъ этого дома; я знала, что ты вблизи.

И, опустивъ покрывало, она исчезла во мракѣ ночи.

— Вотъ исчезаетъ надежда, промолвилъ Азраэль... Судьба должна исполниться.

И сказавъ эти слова, онъ вошелъ въ дѣмъ. И, скрываясь отъ всѣхъ, онъ увидѣлъ картину.

На мрачномъ ложѣ, украшенномъ цветами, лежала молодой человѣкъ. Въ одну минуту Азраэль приблизился къ нему, и лицо умирающаго ужасно поблѣдѣло. Кругомъ поселили роиные, друзья плакали и рвали изъ себѣ волосы. Только одна молодая девушки рѣдкой красоты стояла вблизи умирающаго. Это была Ревекка, дочь Селима, невѣста Гассана, котораго смерть похитила въ тотъ моментъ, когда они должны были соединиться на свѣтѣ. Молодость, красота, богатство, все, казалось, сулило имъ долгое счастье и любовь, и вотъ этотъ сладкий сонъ исчезаетъ, и прекрасная невѣста обрѣдена на вѣчныя страданія, на вѣчное одиночество, не испытавъ сладости первого поцѣлуя.

Азраэль обводилъ своимъ крыломъ лицо Гассана, и вдругъ взоръ его остановился на Ревекке. И, увидавъ эту измѣну, испрѣнившись, поспѣшилъ къ ее измѣнѣнію и липъ на непорочныи линии прекрасной девушки, онъ, этотъ неумолимый духъ, ранюдившійъ человѣческому страданію, впервые почувствовалъ что-то неизвѣданное въ своемъ сердцѣ... Въ первый разъ онъ испыталъ смущеніе, безложистъ... колебаніе.

И вдругъ добчка показалась ему читожной. И, посмотрѣвъ на невѣstu умирающаго, онъ сталъ постепенно собирать свои крылья и тутъ-же возмѣтать о чудовищѣ мысль. Облачившись въ человѣческую одежду, онъ приблизился къ Ревекке и, наклонившись къ ея уху, сказалъ:

— Послушай меня, дочь Селима, я ученый докторъ и умѣю творить чудеса. Согласна ли ты пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти жизнь того, котораго ты любишь больше всего? Отецъ твой, потерявъ тебя, скоро уѣхшися вблизи твоихъ братьевъ и сестеръ; но родители Гассана имѣютъ только его одного; они ихъ единственная опора, самая дорогая надежда, и они не переживутъ смерти своего обожаемаго сына... Полумай объ этомъ!.. Завтра, когда солнце исчезнетъ за большими сикоморами, окружающими берега реки, я буду тебѣ тамъ ждать. Гассанъ безъ страданій будетъ жить до завтрашняго дня, погрузившись въ глубокій сонъ, и вслѣдъ за этимъ наступитъ для него возрожденіе и жизнь... или вѣчнѣйшая смерть, тишина и смерть. Во всемъ твоей волѣ.

Услышавъ этотъ голосъ, Ревекка подняла свои большие глаза и посмотрѣла на чудовищца. И, увидя это странное лицо, ужаснувшее бѣдность, пронзительный взглядъ, она почувствовала во всемъ своемъ тѣльѣ холодъ могилы.

— А, — сказала она, — я узнала тебя, ты Азраэль. Я видѣла уже тебѣ, занѣстившую Смерть, когда ты, наклонившись надъ постелью моей матери, чтобы вырвать ее изъ пѣжихъ объятьй своего обожаемаго мужа, запечатѣла на ея устахъ ходячий поцѣлуй! Второй разъ ты явился ко мнѣ, и я чувствовала тебѣ возлѣ своей постели въ ту ужасную лихорадочную ночь, когда Гассанъ виѣтъ съ моими родными на колѣниахъ молилася обо мнѣ... И теперь ты снова здесь, завидуя счастью, о которому мы мечтали, позволяя себѣ предложить мнѣ эту ужасную сдѣлку... Но хорошо, я ее принимаю; возьми меня, Азраэль, но знай, что наши души такъ тѣсно связаны, что, несмотря на всѣ твои усилия, ты убѣшь только половину менѣ.

— Если ты желешь спасти Гассана, то пожелай, чтобы я забылъ эту любовь, отвѣтилъ

мрачный гений... Заря занимается... До завтра, Ревекка, помни!

Дѣмъ погрузился въ тишину, и у постели Гассана остались только его отецъ, мать и Ревекка.

— Не все еще потеряно, — сказала она имъ, — пойдите немного отдохнуть, я посыжу у него.

Оставшись одна, она опустилась на колѣни и долго молилася.

Поднявшись, она тихо прикоснулась своимъ устами ко лбу молодого человѣка, и отъ этого сладкаго поцѣлуя онъ открылъ глаза, пытаясь подняться, но затѣмъ снова упала, шепнувъ: «Ревекка!» Но она, сокинувъ своимъ пальцами откѣлевшій рѣбенокъ Гассана, сказала ему:

— Сини, дорогой, я зѣль, возлѣ тебѣ.

И, наклонившись къ его уху, голосомъ, полнымъ пѣнги, она прошептала: «Сини! Я люблю тебя!» И молодой человѣкъ успѣхъ съ умѣйкой на устахъ, стъ склонившіемъ ребенка, который чувствуетъ вблизи себя ангела-хранителя.

Ревекка смотрѣла на Гассана и говорила самой себѣ:

— Какъ ни ужасно умереть такой молодой и любимой, но мнѣ сладка эта жертва! Но что будеѣтъ съ тобой, моя дорогая любовь, если тебѣ

суждено вернуться къ жизни только для того, чтобы узнать, что нѣтъ уже Ревекки, которую ты находилъ столъ прекрасной?.. Давалъ тебѣ это сверхъестественное доказательство моей нѣжности, не обреку-ли и тебя на вѣчные слезы, скорбь? Я не могу унести съ собой сердце, которое ты мнѣ даѣшь, по сми-гу-ли и любить такъ, чтобы желать наступленія днія, когда передъ тобой перестанутъ произносить мое имя... ради другой!.. Нѣтъ, это выше моихъ силъ, и моя жизнь... эта жизнь, которую я отдаю тебѣ безъ всякихъ сожалѣній, пусть будетъ залогомъ воспоминаний!

А время шло.

Солнце уже стояло высоко, когда она вернулась къ своему отцу. Она рѣшила все сказать старому Селиму и попросить у него благословленія на это ужасное свиданіе. Несмотря на ужасную скорбь, причиненную ей рѣшениемъ Ревекки Селимъ, выслушавъ молодую девушки простеръ свои дрожащи руки благословленія своего днія, и когда онъ приложилъ къ ея лбу, чтобы запечатать на немъ свою прощальную поцѣлуй, съвѣтъ Гассана замѣтилъ два крупныхъ слезы, падавшіе изъ глазъ старика.

— Теперь, отецъ, — сказала она, — у меня къ вамъ только одна просѣба. Поклянитесь мнѣ

Утро послѣ елии.

Миръ...

Елку несутъ...

Елка бездомныхъ.

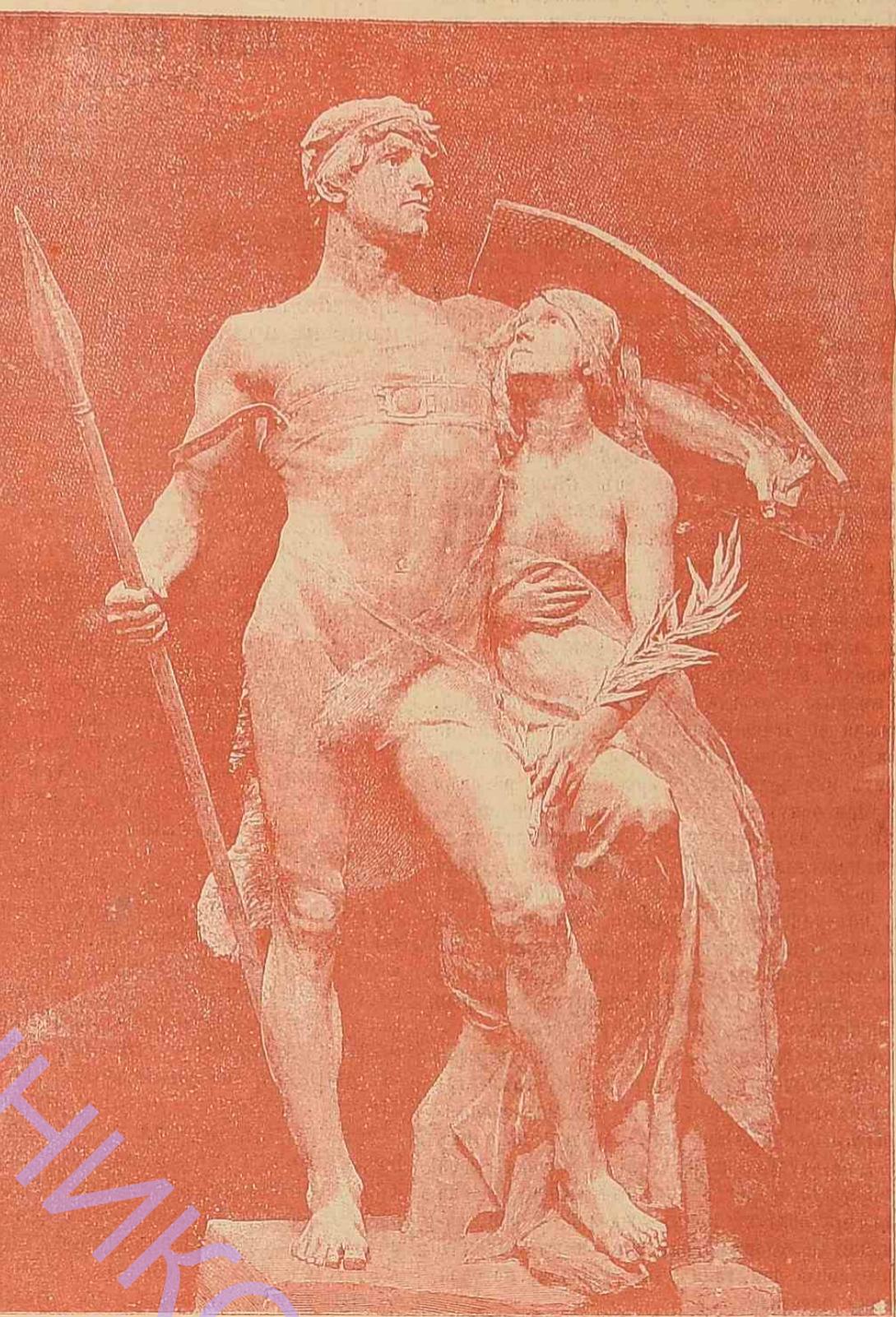
Шествіе рождественской ночи.

Елка для птичекъ.

Елка моряка.

Миръ подъ охраной оружія.

Елка маленькаго братца.

Коранемъ, что мой дорогой Гассанъ не узываетъ никогда, что для спасенія его жизни и пожертвовалъ своей; я не хочу, чтобы моя жертва причинила ему страданія; напротивъ, я хочу, чтобы она жила счастливо, благодаря мнѣ! Когда отъ совершило выздоровѣть, не трудно будетъ объяснить ему мою смерть страданіями, испытанными мною при мысли о его смерти. Если вы мнѣ покажетесь въ этомъ, дорогой отецъ, я спокойно пойду, сожалѣя только о страданіи, невольно причиненномъ вамъ. Въ этомъ мѣрѣ, гдѣ есть полного счастья, изъ двухъ любящихъ другъ друга существъ одно можетъ считать себя действительно счастливымъ, и именно то, которое въ минуту смерти даетъ другому неопровергимое доказательство своей искренней любви!

— Да исполнится судьба твоя!.. То, что случается, должно случиться! — отвѣтила Селимъ.

И опять торжественно поклонилась.

Все остальное время она провела со своимъ въ братами и сестрами; затѣмъ, облачившись въ подъвечное платье, она незамѣтно вышла изъ дома.

У пруда Мойсея она на минуту остановилась: юда она часто вечеромъ приходила съ Гассаномъ, и здѣсь, прижалвшись другъ къ другу, при синіи звѣзда, они говорили о любви, о будущемъ. На глазахъ у нихъ показались слезы.

Приблизившись къ берегу рѣки, она тотчасъ же замѣтила Азраэля.

Она медленно подошла къ молодой дѣвушкѣ, которая показалась ей еще прекраснѣе.

— Я жадаю тебя, Ревекка!

— Вотъ я.

— Ты готова?

— Да.

— Слушай меня, — сказала Азраэль послѣ минуты молчанія. — Частупи въ важный моментъ. Твой часъ еще не насталъ. Я ничего не смогу сдѣлать, если ты не отдашь мнѣ по доброй волѣ; такова воля судьбы, управляющей всѣмъ. Еще есть время; оглянись кругомъ; загляни въ прошлое, настоящее. Тамъ, внизу, ждешь тебя тотъ, жизнь которого теперь въ твоихъ рукахъ; здѣсь, у твоихъ ногъ, мрачный бурлящій потокъ, который унесетъ тебя въ вечную ночь! Неужели ты ни о чёмъ не сожалѣешь и совершенно готова въ этомъ брачномъ kostюмѣ соединиться со смертью, принять лобзаніе Азраэля?

Не отвѣчай ему, Ревекка вошла въ рѣку.

Она медленно подвигалась впередъ. Ангель смерти въ посѣдѣй разъ крикнула ей:

Ревекка! Есть есть врем'!

Уже вода достигла груди молодой дѣвушки. Она плыла по течению рѣки, которая любовно держала ее на поверхности рѣки. Азраэль читала надъ нею, раскрыла крылья, но не смыла къ ней прикоснуться. На внезапномъ поворотѣ, гдѣ рѣка развѣтвляется на два рукава, тѣло Ревекки перестало плыть. Отъ пальцахъ лучей солнца вода сильно понизилась, и молодая дѣвушка, потерявши уже сознаніе, медленно стала опускаться. Здѣсь каждый вечеръ женщины наполнили свои амфоры. Одна изъ нихъ, замѣтила Ревекку, пригласила своихъ подругъ, которыхъ стали оказывать помощь бѣдному ребенку.

Азраэль приблизился, когда она открыла глаза. Онь посмотрѣла на нее и испустила глубокій вздохъ. Въ сіи взорѣ она увидѣла отраженіе образа Гассана. Они были связаны даже въ жизни, и они, духи смерти, почувствовали себѣ побѣженными. Когда Ревекка очнулась, она услыхала въ воздухѣ крикъ ужасной скорби, затѣмъ какой то ударъ крыльевъ, и въ глубинѣ небесного свода замѣтила тѣнь Азраэля, которая постепенно исчезала.

На слѣдующий день Гассанъ, съ синѣмъ въ лицѣ, говорилъ Ревеккѣ:

— Минѣ кажется, что я пробуждаюсь отъ долгаго мучительного сна... Я чувствовалъ, что ты умираешь; и не могу прийти тебѣ на помощь, по вѣль, мои дороги душа, какъ тебѣ преслѣдуется какой то духъ съ черными крыльями; и, странная вещь, въ тотъ моментъ, когда, наложившись надъ тебѣ, гляди тебѣ въ глаза, я старался оживить тебѣ свою дыханіемъ, ужасное видѣніе исчезло... Я произнесъ твои имѧ, все исчезло!... и теперь ты снова возль мнѣ!

— Не говори, Гассанъ, — сказала молодая дѣвушка; — только лихорадка была причиной твоего печеночного сна. Забудь все, что далеко отъ нашего блаженства, потому что ты вернулся къ жизни, и я буду твоей женой!

— Но кто могъ сотворить это чудо, мои дороги Ревекка?

— Любовь! — отвѣтила въ полголоса Ревекка.

Затѣмъ, наклонившись къ своему возлюбленному и обнявъ его обѣими руками, бросивъ предварительно болзливый взглядъ кругомъ, она тихо прибавила:

Да, любовь сильнѣе смерти!

Я. Б.-Н.

ЖЕНА КАКЪ ВСѢ.

Джирольда.

(Съ ампликаціи).

А, наконецъ-то вы явились домой! Мило, очень мило съ вашей стороны. Часть самыи подходящий: скоро конецъ ночи. Фи, какъ отвратительный запахъ табаку. Вамъ хорошо известно, какъ я его ненавижу, до чего онъ мнѣ противенъ; но стоить-ли обращать вниманіе на подобные пустяки? Ахъ, да вы не курите, какъ совершенно справедливо изволили замѣтить? Но не все ли мнѣ равно, кто курить—вы или та компания, въ которой вы такъ охотно вращаетесь? Вы приносите съ собою эту возмутительную запахъ, а это такъ-же гадко, какъ если бы вы сами курили. Я не переношу его...

Что? Лечь спать? Неужели вы считаете возможнымъ уснуть теперь, когда я задыхаюсь отъ негодованія, когда я такъ страдаю! Если бы вы дѣйствительно заботились обо мнѣ и отомъ, что мнѣ нужно рано ложиться, то въ такомъ случаѣ возвращались бы домой во время, какъ это дѣлаютъ всѣ порядочные люди. Но нѣтъ... вы предпочитаете занимать деньги и безумно ихъ тратить...

Удивляюсь, кто могъ дать вамъ пять фунтовъ. Какъ вы расточительны по отношенію къ чужимъ! Но о томъ вы совершенно забываете, что мнѣ необходимо новое платье, а дѣткамъ нужны шляпы. Мери завтра должна отправиться къ зубному врачу, ей необходимо вырвать больной зубъ. Но на это теперь, конечно, не окажется денегъ. Сегоднія мнѣ подали счетъ за воду, а во вторникъ срокъ платить за страховку. Затѣмъ, какъ нужно было бы намъ это лѣто поѣхать къ морю!.. Но куда вамъ думать изъложить о своей семье! Для настъ нѣтъ денегъ. Другое дѣло — эти ваши братя по ремеслу: на

нихъ всегда хватаетъ, и выбросить для нихъ пять фунтовъ — пустяки.

Не вѣрю, не старайтесь убѣдить меня, что вы истратили всего восемнадцать пенсовъ. Впрочемъ, если даже такъ, то не забывайте, какая наберется сумма въ теченіе года, если вы будете тратить каждый день хотя бы столько, сколько, какъ вы говорите, въ ту ночь, когда, наложившись надъ тебѣ, гляди тебѣ въ глаза, я старался оживить тебѣ свою дыханіемъ, ужасное видѣніе исчезло... Я произнесъ твои имѧ, все исчезло!... и теперь ты снова возль мнѣ!

— Не говори, Гассанъ, — сказала молодая дѣвушка; — только лихорадка была причиной твоего печеночного сна. Забудь все, что далеко отъ нашего блаженства, потому что ты вернулся къ жизни, и я буду твоей женой!

By этого не замѣчаете? Ну, положимъ. Но я ясно вижу это. Вообще я много вижу такого, чего вы даже не замѣчаете. И многое я предвижу, сударь. Да, скоро лицо ваше приметъ такой видъ, какъ будто оно обтянуто кумачемъ. Не правда-ли, вы теперь на мѣрены каждый день посѣщать разныя собрания и общды съ милыми приятелями? Вы думаете постановить себѣ правило возвращаться домой на разсвѣтѣ? О, я не сомнѣваюсь въ томъ, что это братство васъ далеко заведеть. Ради него вы скоро совсѣмъ позабудете и меня, и дѣтей. А что, если я найду себѣ какой-нибудь интересъ въ домѣ? Впрочемъ, для вѣстъ и это было бы безразлично, не правда-ли?...

Ну, будетъ, не сердись! Не будемъ ссориться. Лучше разскажи мнѣ все, что ты дѣлалъ въ теченіе вечера. Нежели ты думаешь, что я позволила бы тебѣ вступить въ братство, если бы я могла предположить, что у тебя можетъ быть тайна отъ меня? Я заранѣе увѣрена, что вы натворите кучу глупостей и ничего не скажете толковаго. Тѣмъ не менѣе, я желала бы узнать подробно все. Ты вѣдь у меня милый! Пойди-ка сюда, подѣлися со мною тѣмъ, что знаешь. Ты вѣдь такой добрый. Вотъ я никогда ни въ чёмъ не могу отказать тебѣ. Какъ мнѣ хотѣлось бы узнать отъ кого-нибудь какую-нибудь тайну! Вѣрь я не была бы въ состояніи скрыть ее отъ тебя. Ну, хороший мой, ты вѣдь скажешь все своей же-нушкѣ? Не такъ-ли? Что? Ты не согласенъ? О, ты... вы... вы — злой человѣкъ, вы — обманщикъ, сударь!

Теперь я все поняла. Я отлично знаю цѣну всѣмъ вашимъ выдумкамъ. Да, все это братство не болѣе, какъ предлогъ для того, чтобы бросать свою семью, чтобы отѣлиться отъ жены и пировать въ подводящей компаніи. Вамъ приятно напиваться — вотъ въ чёмъ дѣло! Вотъ она — священная тайна! Но мнѣ не важно вовсе знать секретъ — мнѣ, въ сущности, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до всей вашей таинственности. Мнѣ просто по принципу обидно сознаніе, что у моего мужа есть интересы, о которыхъ онъ считаетъ невозможнымъ говорить съ своей женой. Мужъ и жена должны составлять одно нераздѣльное цѣлое. Но какъ-же это можетъ быть, когда супругъ изволитъ принадлежать къ какому-то братству? Мистеръ Кодль, вы не закроете ва-

шихъ глазъ, пока не расскажете мнѣ хоть кое-что о томъ, что у васъ сегодня происходило. Ну, перестань же сердиться, дорогой мой! Послушай... Ну, отвѣчай-же! Господи, да вы и святую выведете изъ терпѣнія...

Что вы изволили сказать? Чтобы я лучше поискала ваши запонки? Да, это похоже на мистера Кодля... Но тѣмъ хуже для васъ, что вы въ такой моментъ способны думать о какихъ запонкахъ. Я увѣрена, что вы нарочно забросали ее для того, чтобы перевести разговоръ на другую тему. О, да, вы способны на это! Ни одна женщина — я глубоко въ этомъ убѣждена — не терпитъ отъ своего мужа того, что постоянно приходится переносить мнѣ изъ-за вашихъ запонокъ. Однако довольно! Пора положить конецъ всему этому. Будьте увѣрены, отныне я больше не стану искать вашихъ запонокъ... Ахъ, да! — вы найдете кого-нибудь другого, кто бы дѣлалъ это? Прекрасно, чудесно. Вотъ такъ угроза! И это говоритъ мужъ прямо въ глаза своей жены! Чтобы я въ своемъ домѣ перестала быть госпожей и хозяйкой! Но я еще не сошла съ ума. Вы же, сударь, вы сошли съ ума, вы стали злымъ, невыносимымъ, — что хуже всего. Достаточно мнѣ сказать слово противъ вашихъ запонокъ для того, чтобы вы начали угрожать окончательно уничтожить мой авто итить въ моемъ собственномъ домѣ. Нѣтъ у васъ сердца, у васъ камень вместо него, вы — бездушное, безжалостное существо!.. Но долго такъ не можетъ продолжаться, и это единственная моя надежда. Я устала, я измучена всѣми вашими выходками, нѣтъ у меня силъ дольше терпѣть. Вамъ хочется смыться? Да-да, я отлично вижу, что вы еле удерживаетесь, чтобы не расхохотаться. Вы рано торжествуете! Посмотримъ, какъ будетъ ухаживать за вами и за вашими запонками ваша вторая жена. Охъ, вспомните вы меня еще не разъ, пожалѣйте о своемъ обращении со мною, пожалѣйте, непремѣнно пожалѣйте...

Нѣтъ, неправда, я не злая; никто мнѣ этого еще не говорилъ, кроме васъ... Что вы сказали? Что никто меня такъ хорошо не зналъ, какъ вы? Это за всю мою преданность, за мою рабскую любовь! Это за то, что я часто за полночь сижу одна, глядя въ пылающій каминъ и рисуя себѣ все мрачныя картины, одну ужаснѣе другой, въ то время какъ вы веселитесь и заливаитесь смѣхомъ съ вашими поющими товарищами?

Вы не просите меня сидѣть такъ поздно и ожидать вѣстъ? Вотъ она, благодарность-то ваша! Вотъ, чѣмъ вы платите за мою любовь! Въ то время какъ я не щажу своего здоровья для васъ... О, это такъ похоже на васъ!

Вы хотите заказать себѣ ключъ, вы будете сами открывать дверь? Нѣтъ! Не бывать этому, пока я жива. Только этого не доставало, чтобы вы заставили меня вынимать ключъ изъ замка и тѣмъ облегчить вору возможность забраться въ домъ и убить меня. Имѣть свой ключъ! Прекрасная идея для же-

ната человѣка! И это говоритъ отецъ семейства! Красиво! Восхитительно! Точно воръ, вы будете прокрадываться въ свою квартиру вмѣсто того что-бы позвонить, какъ это подобаетъ солидному человѣку. Вотъ до чего я дожила!

Боже мой, я вся горю, я чувствую, что заболѣю серьезно! Придется не мало уплатить докторамъ; быть можетъ, я нахожусь уже на краю могилы... Но если я умру, вы скоро найдете себѣ другую жену. Я скоро умру, скоро, въ особенности, если вы часто будете меня заставлять просиживать такимъ образомъ ночи.

Что-о? Вы говорите, что я раньше уложу въ гробъ васъ и затѣмъ второго мужа?

Боже, что за дикая фантазія! Какъ вы можете допустить, чтобы я вышла вторично замужъ? Никогда, ни за что!

Я знаю, что многие мужчины, составляя заявленіе въ пользу жены, ставятъ условіемъ, чтобы она владѣла наследствомъ только до вступленія во второй бракъ. Это дѣлается для того, чтобы жена оставалась навсегда вдовой. Вамъ, сударь, подобной присяги не придется дѣлать: я никогда не вышла бы замужъ.

Нѣтъ, скажи, ты согласенъ со мной?

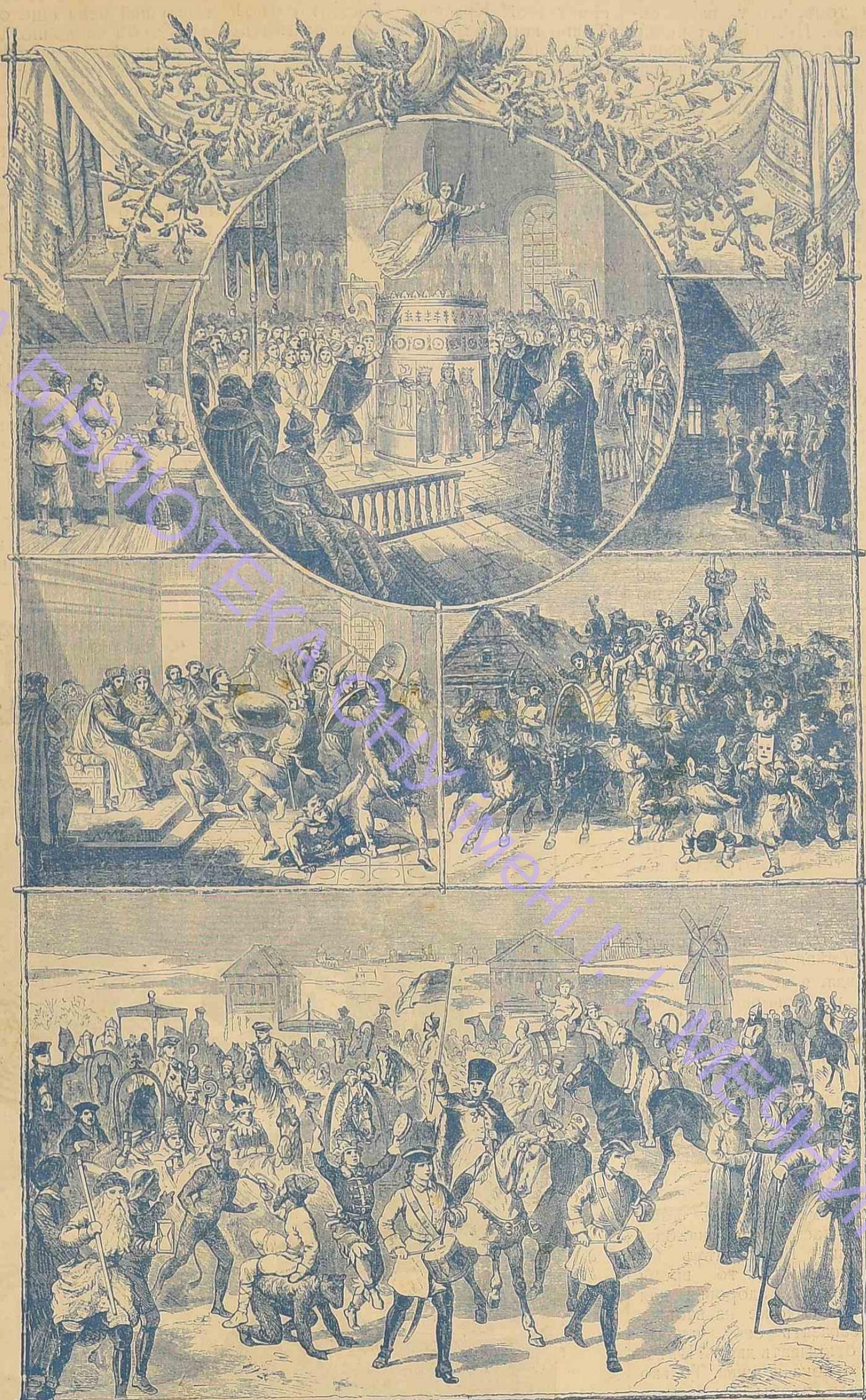
Что-же ты не отвѣчашь? Слушай-же, выслушай меня еще одну минутку, и я дамъ тебѣ спокойно уснуть. Вѣдь это низость дѣлать подобную оговорку въ заявленіяхъ? Развѣ мужъ, оставивший все свое состояніе женою, не поставилъ ей никакихъ условій о вторичномъ замужествѣ, не доказываетъ, какъ твердо онъ вѣрилъ въ преданность своей женоы?

Что такое истекало-бы у меня кровью, я... я сейчасъ-же вышла бы замужъ вторично.

Что ты сказалъ, милый? Ну, будешь ссориться, помиримся, хороший мой! Отвѣтъ только мнѣ, прошу тебя. Дай, я тебя поцѣлую... Фи, опять этотъ возмутительный табачный запахъ! Ну, забудемъ все, забудешь, да? Говори! — Я уже не помню ничего, — отвѣтилъ мужъ: ужинъ былъ отличный и нельзя было не выпить. У меня въ головѣ сумбуръ. Покойной ночи!..

Первая въ жизни елка.

Празднованіе Рождества Христова и Новаго Года
при Петрѣ Великомъ и въ древнее время.